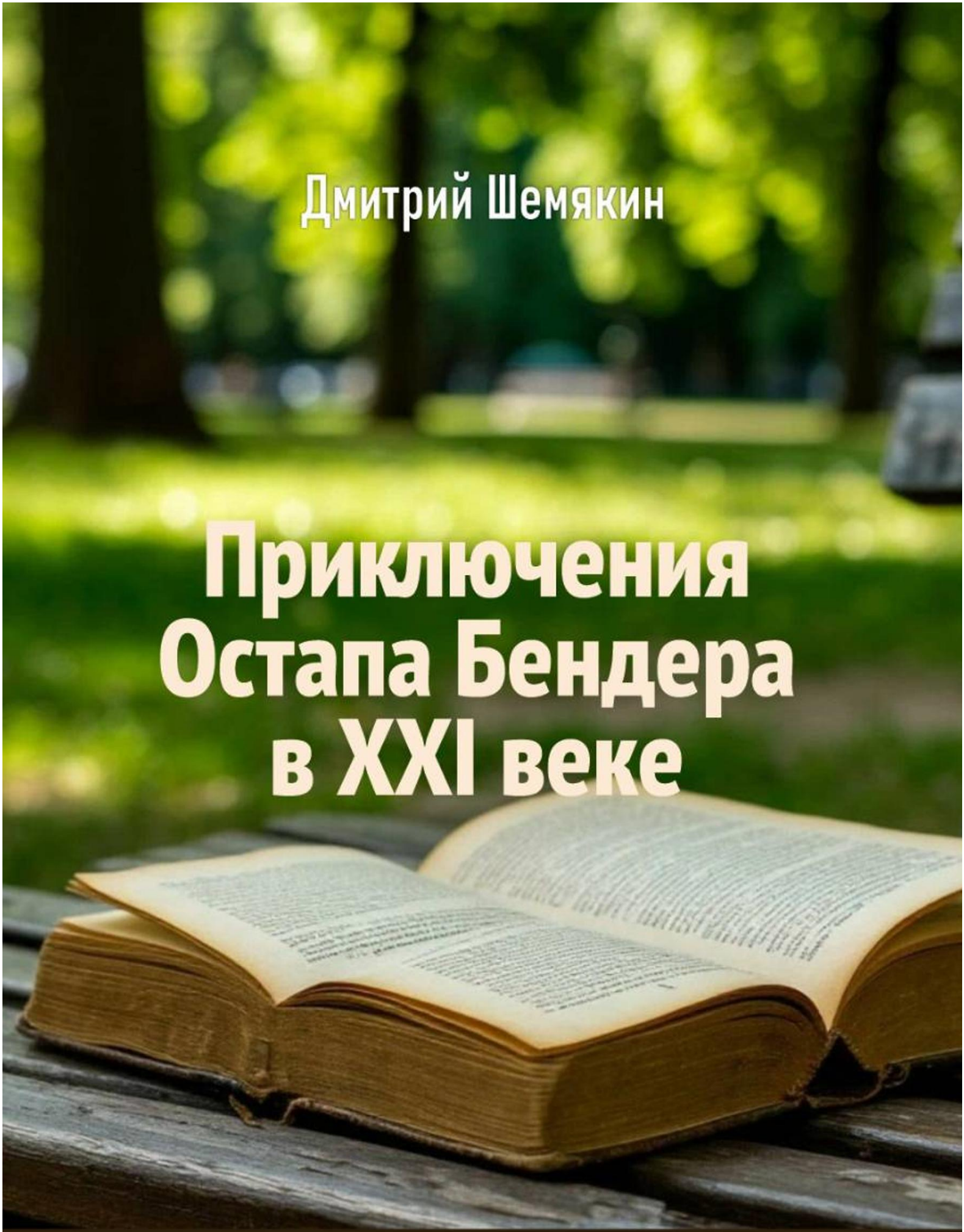

Дмитрий Шемякин

Приключения Остапа Бендера в XXI веке

ФАНФИК

Дмитрий Шемякин

Приключения Остапа Бендера в XXI веке. Фанфик

«Автор»
2026

Шемякин Д.

Приключения Остапа Бендера в XXI веке. Фанфик /
Д. Шемякин — «Автор», 2026

Как пел Аркадий Велюров из "Покровских ворот"- "Я классических герое переброшу в наше время"Итак. 2024-й год. В небольшом российском городке непостижимым оьразом появился Остап Бендер и Киса Воробьянинов

© Шемякин Д., 2026
© Автор, 2026

Дмитрий Шемякин
Приключения Остапа Бендера в XXI веке. Фанфик

Глава 1-2

Все события вымышлены. Автор категорически не согласен с мыслями и действиями персонажей.

1

Утро в городе Непогодске, как, в общем, и почти всё лето, выдалось туманное и сырое. Парк, именуемый горожанами Тенистым, полностью оправдывал своё название, закрывая от несуществующих солнечных лучей небольшой прудик с утками и с десяток рассохшихся скамеечек. На одной из скамеечек лежала забытая кем-то потрёпанная открытая книга. Ветер слабо перебирал её ветхие страницы с пожелтевшими иллюстрациями.

В конце парка появился одинокий, ничем не примечательный прохожий. Он был одет в старенький, ещё советских времён, кремовый плащ, застёгнутый на все пуговицы; на лоб его была надвинута клетчатая кепчонка. Человек что-то тихо насвистывал себе под нос, ведя на поводке маленькую чихуахуа.

Поравнявшись со скамейкой, человек взял книгу и с интересом принялся её листать, после чего обратился к собаке:

— Ну а что, Бармалей, почему бы и нет?

Бармалей посмотрел на хозяина своими чёрными умными глазками и ничего не сказал.

— Молчание — знак согласия, верно, разбойник? — улыбнулся человек.

Он положил книгу обратно на скамейку, достал из кармана своего старого плаща новенький предмет, похожий на айфон и никак не вяжущийся с внешним видом своего владельца, после чего навёл камеру на книгу и сделал несколько снимков.

— Идём, Бармалей. Скоро тут начнётся презабавная история, а мы посмотрим, что получится, — человек легко дёрнул поводок, и странная пара затерялась где-то в запутанных лесных тропинках парка.

Оставленная книга снова раскрылась и зашелестела страницами, словно кто-то невидимый искал между ними заначку. Внезапно старая скамейка пошатнулась, и на ней из ниоткуда оказался оторопевший молодой человек. На вид ему было не больше тридцати. Одеяние его состояло из полосатого пиджака, тёртых парусиновых брюк, фуражки с белым верхом и тёмным пятном вместо кокарды. Шею молодого человека обвивал длинный шарф, бывший когда-то белым.

Молодой человек очумело оглянулся вокруг, приходя в себя. Не успел он этого сделать, как рядом с ним оказался ещё один человек, тоже появившийся буквально из сырого воздуха. В отличие от первого, этот был немолод и одет в чёрный костюм, шляпу с опущенными книзу полями. На носу его поблёскивали пенсне.

— Что, чёрт подери, происходит?! — воскликнул молодой человек и уставился на старика в пенсне. — Киса, вы?

— Остап Ибрагимович, где мы? — проблеял обладатель пенсне.

— Для начала бы неплохо было бы рассчитаться за попытку убийства, старый уголовник, — буркнул молодой человек, несколько приходя в себя. — Однако ввиду сложившейся ситуации я вас временно прощаю. Давайте проясним экспозицию.

— Давайте! — умоляюще сказал Киса, молитвенно сложив руки.

Молодой человек встал и тщательно ощупал себя.

— Первое и самое главное: мы, кажется, живые люди, а не литературные персонажи.

Киса торопливо вскочил и проделал с собой ту же самую процедуру.

— Да! Да! Живые! — горячо воскликнул он.

Внимание молодого человека привлекла книга, одиноко лежавшая на краю скамейки. Он взял её в руки и показал своему товарищу:

— Ильф и Петров. «Двенадцать стульев». «Золотой телёнок». Вот ключ от того, как мы очутились тут. Если это так, как я думаю, то сейчас тут будет тесно, ибо появятся Адам Козлевич, Шура Балаганов и многие другие. Кстати, если судить по вашим уголовным наклонностям, то с Балагановым вы бы, думаю, подружились, хотя он, в отличие от вас, не был мокрушником.

Но прошло несколько минут, а парк по-прежнему оставался пустынным. Молодой человек сел на скамейку и снова встал.

— Никого. Это печально. Из всех персонажей этих книг с вами я бы предпочёл иметь дело меньше всего, но…

Киса молча и насуплено сидел, наблюдая за утками в пруду.

— И не надо так смотреть на водоплавающих, вы же не Михаил Самуэлевич, — засмеялся молодой человек.

Он окончательно пришёл в себя, хлопнул старика по плечу и протянул ему руку:

— Ну что же, уездный предводитель команчей, давайте познакомимся снова, ведь теперь мы не в книжке. Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей! Для вас — просто Остап Ибрагимович. Обращение «товарищ Бендер» пока отменяю, ибо нужно выяснить, в какое время мы попали.

— Ипполит Матвеевич Воробьянинов, — криво улыбнувшись, промямлил старик.

Остап дурашливо приподнял фуражку:

— Очень приятно, Киса. А вот когда вы меня саданули бритвой по горлу, приятно мне не было. Да.

— Кто старое помянет… — пробурчал Ипполит Матвеевич.

— То есть вы мне ещё и глаз выбьете? — развеселился Остап. — Ладно, шутки в сторону. Нужно узнать, где мы и в каком году. Насколько я знаю, «Золотой телёнок», где меня, кстати, тоже чуть не убили, заканчивался концом 20-х годов XX века.

Киса взял со скамейки книгу и, открыв на последней странице, потрясённо сказал:

— 1982-й год!

— Однако! — поднял брови Остап. — Но это ещё ни о чём не говорит. В детстве у меня была чудная книжка с картинками, датированная 1870-м годом, однако это никак не говорит о том, что я жил в 1870-м. Улавливаете?

— Есть очень хочется, — вместо ответа сказал предводитель дворянства и снова уставился на уток.

— Конечно, можно снова отправить вас просить милостыню, — хмыкнул Остап, — но кто знает… Может быть, в СССР уже к 1982-му построили этот самый коммунизм, про который мне прожужжал уши один знакомый партработник в далёком во всех смыслах 1925-м году. А если это так, то мы можем запросто зайти в любой ресторан и подкрепиться совершенно бесплатно.

По аллее прошла молодая пара — парень и девушка лет двадцати, одетые в одинаковые синие джинсы, белые майки и трясущие одинаковыми длинными волосами. Друг от друга их отличало только наличие у девушки мощной груди, которая всеми правдами и неправдами просилась на волю.

Остап и Ипполит Матвеевич во все глаза смотрели на молодых людей, а те с таким же удивлением глядели на них. Наконец, когда пара миновала скамейку, парень обернулся и, показав Остапу и Воробьянинову большой палец, одобрительно бросил:

— Годный косплей.

— Хотя я и не понял местный язык, но, похоже, нас похвалили, — задумчиво сказал Бендер. — Однако странная мода в 1982-м году, не находите, Киса?

Не успел он это договорить, как рядом со скамейкой оказались два подвыпивших мужичка.

— Остап Бендер! — как старому знакомому крикнул один из них Остапу и обнял, обдав великого комбинатора отвратительным запахом алкоголя. Второй выпивоха повис на Воробьянинове и стал обнимать его, будто нашёл давно пропавшего родственника, почему-то повторяя при этом: «Папанов! Папанов! Как похож, чертяка!»

Киса покорно сидел, даже не поправляя съехавшее пенсне.

— Что, кино у нас снимают? — весело спросил один из выпивох.

Великий комбинатор первый пришёл в себя и, быстро сообразив, что к чему, развязно ответил:

— Да, я и мой друг Папанов снимаемся в кино. Если хотите, можем и насчёт вас поговорить.

— Да ну! — обрадовались оба, рассмеявшись шутке насчёт Папанова.

— Да-да, — заверил их Бендер, — и взамен мы попросим только об одной маленькой услуге. Мой друг Папанов так долго снимался в кино, что у него случилось форменное помутнение рассудка. Думает, что сейчас 1982-й. Как мне его разуверить?

Оба мужичка снова рассмеялись.

— Так сейчас 2024-й, — сказал один из них. — Правильно пишут, что у артистов у всех крыша набекрень.

— Вот это вы верно заметили, — Остап похлопал Кису по плечу. — Что есть, то есть: крыша у моего друга настолько набекрень, что иногда страшно за него. А ведь он ещё и название города забыл, верно, Папанов?

— Верно, — деревянным голосом молвил Киса.

— Непогодск! — залились радостным смехом мужики, счастливые от встречи с артистами.

— Конечно же, Непогодск, забывчивый старик, — укоризненно сказал Остап и обратился к своим новоиспечённым поклонникам: — В общем, завтра в это же время приходите сюда. Постараюсь выбить для вас у режиссёра роли второго плана.

Мужчины ещё долго жали ему руку и обнимали Воробьянинова, продолжавшего молча сидеть на скамейке, после чего, почему-то пожалев, что у них нет телефонов, ушли.

Остап быстро схватил Кису и увлёк его в мокрые кусты.

— Переходим на нелегальное положение, уважаемый гофмаршал. Похоже, в этом городе и в этом 2024-м году нас все знают, а это не очень хорошо. Я не привык к такой публичности. Она мешает моей работе.

2

Остап достал из кармана кошелёк и, вытащив оттуда денежную купюру, стал её внимательно рассматривать. Заметив взгляд Воробьянинова, он недовольно буркнул:

— И не надо на меня смотреть, уважаемый искатель бриллиантов, как Балаганов на распиленную гирю. Да, пришлось позаимствовать у этих весёлых мужчин некоторую часть их денежных средств. А вы что думали? Съёмки в кино стоят денег, причём немаленьких, уж поверьте автору сценария фильма «Шея».

Великий комбинатор снова стал рассматривать синюю банкноту номиналом в две тысячи рублей с изображением какого-то колоссального моста, бормоча: «Хм… Хм…»

— Суду ничего не ясно, — задумчиво сказал он. — Если мы в СССР, то почему на купюре герб Российской империи?

— Может быть, мы попали… э-э-э… в прошлое? — робко проявил самостоятельность Воробьянинов.

— Увы, Кисуля, увы, — с досадой сказал Великий комбинатор. — Если это прошлое, то почему на ассигнации стоит 2017-й год?

Остап сунул купюру в руки Ипполита Матвеевича и продолжил изучение недр кошелька:

— Так… сотенная. 2019-й год. Заметьте, гофмаршал, мы путешествуем во времени, не сходя с места. Ещё десять минут назад был 1982-й, а сейчас уже 2019-й.

Бендер вытащил из кошелька небольшую прямоугольную гладкую карту зелёного цвета.

— А это что, не знаете?

Воробьянинов помотал головой. Остап горько улыбнулся:

— Эх, Киса, ничего-то вы не знаете, впрочем, как и я. Постойте-ка… — Остап прочитал надпись на карте: — «Сбербанк». Не знаю, что это, Киса, но, клянусь вашим пенсне, это как-то связано с деньгами.

Остап ещё раз пересчитал наличность:

— Десять тысяч сто рублей и нечто с надписью «Сбербанк». Уж не знаю, что можно купить на эти деньги в Российской империи образца 2024-го года. Итак, вместе, да ещё в таком виде, нам появляться опасно, потому что нас, как выяснилось, знает каждая собака. На разведку пойду я, ибо вас, памятуя о старых делах, можно разве что отправить на убийство с помощью бритвы. Ну-ну, не хмурьтесь, меченосец. В общем, диспозиция такова: вы сидите в кустах, притворившись деревом, — право, вам для этого много таланта не нужно, — а я иду на разведку в город Непогодск и более подробно узнаю, куда нас занесло.

— И еды не забудьте принести, — плаксиво попросил Воробьянинов.

— О чём речь, Ипполит Матвеевич! — благодушно сказал Остап. — Принесу вам целого гуся, да такого, что Паниковский вам позавидует. До свидания.

Остап снял шарф, фуражку и, подумав, снял пиджак и надел его, вывернув наизнанку.

Он миновал лес и вышел на оживлённую улицу города. Увиденное поразило его. Огромные здания, снующие взад и вперёд диковинные автомобили, вывески магазинов, люди в необычных одеждах, едущие на велосипедах, на каких-то досках с колёсами, на колёсах без досок… Остап, оглушённый, стоял, глядя по сторонам.

— Похоже, Рио-де-Жанейро несколько померкло в моих мечтах, — пробормотал он.

— Ху…ли встал?! Дорогу! — услышал он рык позади себя.

Великий комбинатор шарахнулся в сторону, потому что его чуть не сбила девушка с сиреневыми волосами, едущая на странном транспортном средстве, похожем на самокат, но не отталкиваясь при этом ногой от асфальта.

От обилия всего происходящего Остап сел на маленький каменный бордюрчик. Мимо него прошла другая девушка, в коротких шортах. Голые ноги её были увиты татуировками в виде драконов.

— Однако, — пробормотал Бендер. — Это не мой пороховой Наполеон на груди. А тут, вижу, весьма фривольный взгляд на моду.

Он увидел стайку молодёжи в рваных брюках.

— Думаю, беспризорники и оборванцы прошлого века были бы довольны, — хмыкнул Остап.

Люди не обращали на него ни малейшего внимания, и это несколько ободрило великого комбинатора.

— Спокойно, Ося, спокойно, — сам себе приказал он. — Возьми себя в руки. Ну, город. Ну, много людей, автомобилей. Но, в общем-то, всё то же самое. Главное — не показывать виду.

Остап встал и как можно увереннее пошёл по тротуару. Но, не пройдя и двухсот метров, он остановился, глядя на памятник Ленину.

— Хм… Значит, всё-таки СССР, а не Российская империя? — заключил Остап.

Однако, пройдя ещё немного, он увидел флагшток, на котором весело полоскался трёхцветный флаг.

Бендер в изнеможении всплеснул руками:

— Что ж это за винегрет-то такой?! Бутерброд из СССР и империй?! Спокойно, Ося, спокойно!

Он снова пошёл по тротуару, исподтишка посматривая на прохожих, читая вывески магазинов и названия улиц.

Великий комбинатор обратил внимание, что почти все люди держат в руках небольшие плоские коробочки, в которые либо просто смотрят, либо говорят.

«Что же это такое?» — размышлял Остап. — «Прогресс? А может быть, это современные иконы, и люди молятся в эти коробочки? А что? Чего только не может произойти почти за сто лет…»

Он встал и незаметно пошёл за парнем лет шестнадцати, который разговаривал с такой коробочкой, глядя в неё.

— Ну, в клубе вечером чилим, — донеслось до Остапа.

«Нет, с иконами так не говорят», — решил Бендер и обогнал парня, заглянув в коробочку. Увиденное повергло его в шок: в коробочке было видно изображение девушки, которая тоже что-то говорила.

Остап отстал от парня и вновь увидел, как другой юноша громко сказал в коробочку:

— Окей, Гугл, как проехать до Центрального колхозного рынка.

— Показываю, — раздался из коробочки ласковый женский голос.

«Однако я услышал знакомые слова, — отметил Бендер. — „Колхозный“ и „рынок“. Ну что ж, это неплохо. Слушаем дальше».

На обочине тротуара стояли длинные удобные скамеечки, на которых сидели горожане, ели мороженое, пили газировку и все, как один, пялились в эти коробочки.

Остап сел как можно ближе к двум девушкам, которые что-то весело обсуждали. Вдруг одна из них, так же как тот парень, спросила у коробочки:

— Окей, Гугл, что такое кашне?

«Я знаю, что такое кашне!» — чуть не крикнул Остап, но удержался. Девушка уставилась в коробочку, водя по её поверхности пальчиком.

«Так, кажется, я начал понимать, как это работает, — подумал великий комбинатор. — Дело за малым. Увы, придётся опять пойти по неверному пути Паниковского, но что делать… Нужно как-то адаптироваться к новой реальности».

Девушки встали со скамейки и, что-то обсуждая, пошли по тротуару. Коробочки торчали у них из задних карманов брюк, и Остапу не составило труда вытащить одну из них двумя пальцами. Он долго петлял по улицам, опасаясь услышать крики: «Украли! Караул!», но город Непогодск продолжал жить своей жизнью.

Остап огляделся по сторонам и достал свой трофей, после чего на минуту задумался. Ему вдруг стало страшно. Что за неведомая сила сидит в этой коробочке? Он собрался с духом и отчётливо сказал:

— Окей, Гугл. Россия.

Остап зажмурился, а когда открыл глаза, на экране коробочки был мелкий текст. Вспоминая, как девушки двигали пальцем по коробочке, великий комбинатор уже через пару минут довольно сносно пользовался неведомым прибором. Он потрясённо читал о Великой Отечественной войне, о великих стройках, полёте в космос. Когда Остап дошёл до событий 1991-го года, лоб его покрылся испариной.

— Да неужели так может быть! — воскликнул он поражённо. — Вот, значит, почему на деньгах снова эта двуглавая птица, что была при Романовых!

На него оглянулись прохожие, и Бендер пришёл в себя. Он огляделся по сторонам и увидел столики какого-то уличного кафе.

Он пересёк улицу и плюхнулся за один из них. К нему тут же подскочил официант и, оставив меню, быстро удалился.

Остап снова вытащил чудо-коробочку.

Глава 3-4

3

Уже стемнело, а потрясённый Остап продолжал читать свалившуюся на него лавину информации, забыв о несчастном Воробьянинове, томившемся в кустах около пруда. Иногда коробочка начинала вибрировать, и на экране вместо текста возникали надписи: «Мама», «Костя», «Брат». Сначала это несколько пугало Остапа, но потом он привык. Наконец Бендер пришёл в себя.

«Вот оно что, — думал он, шагая по улицам, на которых уже зажгли фонари. — Значит, та страна, с которой мне было не по пути в 1929-м, канула в Лету в 1991-м, и сейчас, если судить по тому, что говорит эта коробочка, — нечто странное: смесь СССР и Российской империи. Забавно. Как там у Серёжи Есенина: „Розу белую с чёрной жабой я хотел на земле повенчать“».

— История пляшет фокстрот на костях империй, — пробормотал он. — Создаёт новые, снова рушит, и всё повторяется. И в эти жернова угодил я — просто мальчик Ося Бендер. Ну что ж… Попробуем поиграть в эту игру. Возможно, она мне и понравится.

Он увидел вывеску «Одежда» и, вспомнив о том, что не мешало бы одеться как местные аборигены, зашёл в магазин и примерил несколько пар брюк и пиджаков. Цены его неприятно удивили.

— У вас наличные или карта, молодой человек? — томно спросила полненькая продавец, глядя на Остапа взглядом кормилицы, которой принесли ребёнка.

Остапа осенило:

— Да, уважаемая, у меня карта, — сказал он, протягивая гладкий кусочек с надписью «Сбербанк».

Великий комбинатор внимательно наблюдал за действиями женщины. Она провела картой по какой-то коробочке, раздался писк, и продавец расплылась в улыбке:

— Платёж прошёл. Вам упаковать или сразу наденете?

— Сразу, — поспешно сказал Остап, помня о своём внешнем виде.

Он выбрал ещё несколько предметов гардероба для Воробьянинова и снова дал карту женщине, продолжавшей исподтишка посматривать на Остапа.

— Меня зовут Жанна, — наконец кокетливо сказала она.

Великий комбинатор вдруг испытал неведомое ему ранее смущение. Раньше он общался с представительницами прекрасного пола легко и непринуждённо. Но сейчас… Что-то поменялось, или он отстал от этикета ухаживаний за почти сто лет? Почему он её боится?

— А я… э-э… м-м… Святослав.

Великий комбинатор поскорее вышел из магазина, чувствуя, как вслед в спину ему упирается взгляд Жанны.

«Потерял хватку, — сокрушённо думал Остап. — Вполне можно было бы взять этот Измаил приступом там же, в магазинчике, но… отсутствие практики даёт свои отрицательные результаты. Будем навёрстывать».

Когда Остап вернулся к пруду, первое, что он услышал в кустах, был не то жалобный скулёж самого Воробьянинова, не то крик его пустого желудка.

— Товарищ Бендер! — чуть не плача сказал Ипполит Матвеевич. — Ну где же вы ходите…

— Я говорил вам, дорогой Киса, что слово «товарищ» придётся пока забыть? Говорил? Говорил. Так вот, уважаемый, сядьте, ибо от того, что я вам сейчас скажу, вы можете упасть и удариться головой. А впрочем, тогда стойте. СССР в этом, 2024-м, году не существует, а есть Российская Федерация с президентом во главе, прямо как в Северо-Американских Соединённых Штатах. Кстати, вернулась частная собственность — пляшите, уездный предводитель дворянства. Теперь это всё снова в моде. Я, признаться, не дружил с тем режимом, но и этот, в виде странной солянки из Ленина и триколора, у меня особого восторга пока не вызывает.

— К… как Россия… к… как частная собственность?! — восторженно прокаркал Воробьянинов. — То есть я могу…

— Ничего вы не можете, — перебил его Остап. — Вы забыли, кто мы были ещё утром, — персонажи из книжки двух советских писателей.

— А… а… — начал было Киса, широко открывая рот, но Остап снова не дал ему сказать. Он сунул ему в руки бумажный пакет и сказал:

— Хватит, новоявленный буржуа, мы не у стоматолога. Ешьте местную трапезу, пока я добрый, а то ведь могу и передумать.

Воробьянинов достал из пакета какую-то лепёшку, в которую было завёрнуто мясо, и бутылку с коричневой водой.

— Ко… ко…

— Кока-кола, — помог ему Остап. — На вкус довольно мерзко, но вам будет в самый раз, так же как и этот блин со всякой всячиной, именуемый тут шаурмой.

Воробьянинов урча накинулся на еду, а Остап снова вытащил коробочку и углубился в чтение, изредка говоря ей: «Окей, Гугл, а что такое… а где находится… а сколько стоит…»

Ипполит Матвеевич продолжал жевать шаурму, запивая её колой. Поминутно он косился на манипуляции Остапа, но поинтересоваться, что же это такое, не решался.

— А где же мы будем жить? — осмелев, наконец спросил он, насытившись.

— Во всяком случае не в кустах, — отозвался Остап, передавая Воробьянинову ещё один пакет. — Переоденьтесь, дабы выглядеть, как тут говорят, стильно-модно-молодёжно.

— Но мой костюм мне дорог как воспоминание, — заартачился Ипполит Матвеевич, но Остап прикрикнул:

— Делайте, что говорю! Я терпел вас всю книгу, а теперь ещё и в реально-материальной жизни терплю уже почти целый день! Если не хотите провести остаток дней в полиции или психушке, то одевайтесь в эти наряды.

Воробьянинов нехотя оделся, натянув на себя чёрные джинсы, кроссовки, серую толстовку с капюшоном и бейсболку. Остап критически посмотрел на него и махнул рукой:

— Сгодится, Кисуля. Молодость, как я увидел тут, нынче в моде. И пусть в этом одеянии вы смотритесь несколько вычурно для меня, но пора привыкать к новым правилам игры. Единственное, что вам мешает, — это пенсне. Оно выдаёт вас с головой.

— Но без него я ничего не вижу, — прокряхтел Воробьянинов.

— Я буду вашим поводырём, — покровительственно сказал Остап. — Как это уже было, доверитесь мне. Готовы? Вперёд. Навстречу новому времени! Командовать парадом буду снова я! А вы мне не мешайте, и будет вам то, что вы не получили, когда гонялись за наследством мадам Петуховой. Во всяком случае, на кока-колу и шаурму мы заработаем. А может… В общем, вперёд!

Они вышли из кустов и запетляли лесными тропинками по пути к городу.

— Держитесь меня во всех смыслах, чтобы не быть оглушённым этим мегаполисом, — предупреждал Остап. — Даже на меня он произвёл неизгладимое впечатление, а уж что говорить про вас…

— Я видел разные города, — уклончиво отозвался Ипполит Матвеевич, — и Париж, и Берлин, так что…

Они вышли из леса, и Воробьянинов тут же забыл, о чём говорил, поражённый, как и Остап утром, масштабом города.

— Вот то-то же, мой дорогой гофмаршал, — самодовольно, будто он тут жил уже не один год, сказал Остап. — Ваши Париж и Берлин, да что там… Даже мой Рио-де-Жанейро свернулся сухой апельсиновой корочкой у ног. Кстати, нам, Кисуля, нужно избавляться от старорежимных словечек и оборотов. Гофмаршалом и уездным предводителем команчей я вас больше звать не буду, по крайней мере в ближайшее время. И вы, как я уже говорил, не зовите меня товарищ Бендер. Вообще мою фамилию и имя при людях не упоминайте, потому что её все знают.

— А как же мне вас звать? — осведомился Воробьянинов, трогая рукой непривычный головной убор.

— Хм… Хм… Как… — задумался Остап. — Зовите меня… Евсей Игоревич Бенедиктов. Запомнили? А я вас буду звать… папа.

— Папа? — удивился Воробьянинов.

— Да. Вы папа, а я ваш любящий сын. А поскольку я Игоревич, то вы будете папа Игорь. Здравствуй, отец!

И Остап, как бы тренируясь, заключил Ипполита Матвеевича в свои объятья.

4

— Уже темно, где мы будем ночевать… э-э-э… м-м-м… Евсей Игоревич? — Киса с трудом выговорил новое имя.

— Спокойно, папаша, — покровительственно сказал Остап, доставая коробочку. — Я уже почти разобрался с этим чудом техники, ибо я очень сообразительный. С помощью него и вот этого гладкого куска картона у нас всё будет. Мне уже начинает нравиться новая жизнь. Отряхнём с наших ног, папа Игорь, провинциальную пыль столетней давности в виде Старгородов, Удоевых и прочих унылых населённых пунктов, где из развлечений и достопримечательностей есть только придорожная закусочная да заколоченные церкви. Мы теперь жители XXI века!

К превеликому удивлению Воробьянинова, Бендер что-то потыкал пальцем в коробочке и приложил её к уху.

— Здравствуйте. Желаем снять жильё, — развязно сказал он. — Что? Улица Ленина, дом девять? От площади Восстания на пятом трамвае? Отлично. Сейчас подъедем.

Новоявленный «папа Игорь» благоговейно смотрел на своего сына, а тот помахал волшебной коробочкой перед его носом.

— Обратите внимание, дорогой отец: в этом куске полимера, называемого, как ни странно, телефоном, заключена вся жизнь современного человека. Я, конечно, не всё ещё освоил, но то, что понял, поражает своими масштабами. Идёмте, дорогой папаша. Кстати, нужна ещё одна небольшая покупка.

Они зашли в оптику и с помощью радушной девушки-продавца подобрали Ипполиту Матвеевичу отличные очки.

— Вот, совсем другое дело, — похвалил Остап. — Но заметьте, мне пришлось опять потратиться на вас. Придётся снова открыть на ваше имя расходный счёт. Банки, кредиты и все остальные признаки капитализма тут налицо, так что будем с вами современными людьми.

Они подошли к трамвайной остановке.

— Главное, Киса, — шёпотом сказал Остап, — делать то же, что и все остальные.

Гремя, подъехал трамвай, и вместе с остальными ожидающими в него зашли пожилой мужчина в толстовке, бейсболке и очках, похожий не то на престарелого рок-музыканта, не то на преподавателя вуза, и молодой человек в джинсах и белой футболке с надписью I LOVE NEPOGODSK.

Остап, подражая всем входившим, приложил карту к валидатору и встал к окну, за которым проплывали великолепные виды и огни вечернего города. Люди гуляли, целовались, ели мороженое, катались на роликах. Стайки молодёжи что-то пели под гитары.

— Эх, папа Игорь, станем ли мы тут своими или по-прежнему будем инородным телом в любом месте, где бы ни очутились… — грустно сказал Остап.

Он вдруг заметил, что его товарищ зачарованно смотрит куда-то под потолок трамвая. Великий комбинатор устремил туда же свой взгляд и тоже замер.

На плоском светящемся экране — вроде той коробочки, которая лежала у него в кармане, только во много раз больше — шёл фильм, в котором персонажи искали сокровища, запрятанные в стульях.

— Это… просто… божественно, — тихо сказал Остап. — Вот что значит сила искусства, верно, папа? Конечно, я в фильме намного лучше, чем актёр, изображающий меня, но сам факт… Браво. А вот вас, наоборот, изобразили, на мой взгляд, слишком хорошо.

— А мне нравится, — не согласился Воробьянинов.

— Ну ещё бы вам не нравилось, — заметил мстительный Остап. — Ведь не я, а вы провалили всю операцию и в конце фильма…

— Остановка «Чапаева», — возвестил на весь трамвай металлический голос, и двери открылись.

— Идёмте, дорогой буржуа, после досмотрим, — Остап дёрнул «отца» за капюшон толстовки, и они вышли на улицу.

— А вы заметили, Киса, что названия улиц, памятники и ещё куча всего остались как при советской власти?

Воробьянинов молча шёл, оглядываясь на витрины магазинов.

Владелица квартиры встретила их радушно и стала ещё радушней, когда Бендер отдал ей все десять тысяч, которые были в кошельке. Он тоже принялся улыбаться, вспоминая, что забыл, как нужно соблазнять женщин.

— Ваши паспорта, — ласково сказала хозяйка.

Улыбка хоть и осталась на лице Великого комбинатора, но глаза его тревожно забегали.

— Паспорт? — как можно более непринуждённо переспросил он. — Ах, паспорт! Понимаете, в чём дело… Командировка в вашем городе имеет свои технические накладки. Наши паспорта на переоформлении по месту новой работы, но вскоре их…

Улыбка сбежала с лица хозяйки. Она подозрительно посмотрела на новых жильцов и сухо сказала:

— Тогда залог — сто тысяч.

— Сто тысяч? Какие пустяки, — отозвался Бендер, расходуя последние резервы самообладания. — Но дело в том, что сейчас мы…

— Либо сейчас, либо уходим, — отрезала хозяйка.

Но ночлегу, который вот-вот должен был отмениться, неожиданно помог тот, от кого Остап меньше всего ждал помощи.

Уездный предводитель дворянства, он же папа Игорь, неожиданно сунул руку в карман толстовки и извлёк оттуда кошелёк, очень похожий на кошелёк, добытый Остапом.

Ипполит Матвеевич со сноровкой чиновника, которую, в отличие от любовных чар Бендера, он не растерял, отсчитал двадцать рыжих бумажек и передал их хозяйке. Та снова послушно расцвела:

— Ну вот, значит, всё хорошо. Телевизор, правда, старенький, холодильник, микроволновка. Через двое суток в это же время приду за ключами. Всего доброго.

Хозяйка ушла, а Остап молча уставился на своего товарища, который втянул голову в плечи.

— Рассказывайте, — велел Великий комбинатор. — Неужели и вы умудрились вытащить кошелёк у второго из двух любителей горячительных напитков? Кстати, дайте-ка мне кошелёк, ибо я знавал одного седовласого любителя женщин и развлечений, которому деньги шли, как моему папе Олегу — пенсне.

Воробьянинов, мучительно совершая над собой насилие, нехотя отдал кошелёк сыну. Остап, пересчитав оставшуюся наличность, повеселел.

— Я нашёл кошелёк в кустах, его, видимо, обронил второй из тех двоих пролетариев, — тем временем оправдывался Воробьянинов, помня тяжёлый кулак Остапа. — Ну вот… когда вы ушли… я и… нашёл…

— И решили, не говоря мне, оставить этот засадный полк из купюр в своём кармане, — закончил за него Великий комбинатор. — Ладно, дорогой папа Игорь. Нужно признать, что сделали вы это эффектно. Вот что значит моя школа. А потому я вас прощаю и объявляю амнистию, по крайней мере на сегодня.

Он подсчитал оставшиеся наличные и удовлетворённо хмыкнул:

— Ну что ж… Вполне добротно. Ещё сто тысяч. А теперь, как я уже однажды говорил по другому поводу, давайте смотреть помещение.

Квартира оказалась однокомнатной, старенькой и неказистой.

— Конечно, это не те номера, в которые вы зазывали юных дев, но двум уставшим путникам вполне сгодятся на несколько дней, — заключил Остап. — Теперь вот что. Посылать вас одного за продуктами опасно. Сидите дома и вникайте в политическую обстановку в мире вот по этому предмету, именуемому телевизором, а я, так уж и быть, побуду сегодня мальчиком на побегушках, благо плату с вас за это я уже взял.

Остап не без опасения включил телевизор и, захлопнув дверь, спустился на улицу.

«Ну что ж, — думал он, — пока имеются денежные знаки Российской Федерации, я не пропаду. Перекусив, нужно будет глубже овладеть ситуацией в стране, городе, сделать выводы, прикинуть варианты, а уж после, возможно, удастся что-то реализовать из моих коронных способов отъёма денег у граждан. Хотя, как я успел заметить, тут с этим отлично справляется государство, которое, как известно, не любит конкурентов».

Глава 5-6

5

Остап вышел на улицу и, после внимательного изучения того, откуда и куда идут люди с сумками и пакетами, зашёл в магазин, над входом в который краснела надпись «Пятёрочка».

«Странное название для продуктового магазина, — думал великий комбинатор. — В наше время такое имя лучше бы подошло для филиала ОГПУ где-нибудь в Урюпинске: пятёрочка, десяточка, четвертачок, вышечка».

Обилие и разнообразие продуктов, половина из которых была ему непонятна, снова ввергли Остапа в удивление, но он сдержался.

«Спокойно, Евсей Игоревич, — это всего лишь еда, не более. Смелее!»

Он, копируя поведение покупателей, взял тележку, бросил туда упаковку яиц, батон хлеба, пачку макарон, колбасу, конфеты, овощи и бутылку водки.

— С вас три тысячи, — буркнул молодой человек на кассе, не глядя на Бендера.

Остап привычно дал карту «Сбербанка», но тут произошла заминка.

— Платёж не проходит, — сухо сказал парень.

— Позвольте, юноша, возможно, ваш профессионализм захромал, но не иначе как пару часов назад всё было в порядке, — удивился Остап.

Парень наконец вскинул голову на странного покупателя, силясь понять, что он только что услышал.

— Платёж не прошёл, — нудно сказал он. — Платите наличными.

— Ах, наличными, — понял Бендер.

Он рассчитался с юношей из тех денег, что забрал у Кисы, и, сложив покупки в пакет, вышел на улицу. Настроение его резко ухудшилось. Выходит, та зелёная штука с надписью «Сбербанк» конечна, как всё в мире. И расплачиваться ей больше нельзя? Это очень плохо! Значит, нужно поторопиться с определением дальнейшей жизненной программы.

Великий комбинатор зашёл в подъезд и ещё на первом этаже услышал гул голосов, доносящихся сверху. Предчувствуя недоброе, он через две ступеньки побежал на четвёртый этаж.

Первое, что увидел Остап, — двоих пожилых женщин и мужчину в очках, стоявших около открытой двери, в проёме которой застыл Воробьянинов. Он молча слушал нестройный, надтреснутый хор старческих голосов:

— Бог единый наш, Иегова, велел всем нам покаяться и готовиться к Армагеддону, который вот-вот настанет на нашей грешной земле, — нараспев вещали все трое.

Великий комбинатор протиснулся к Воробьянинову и с силой втолкнул его в квартиру, после чего обернулся к троице:

— Увы, мои дорогие. Мы с моим папой уже состоим в секте скопцов, поэтому для того, чтобы вступить в вашу, нам нужно получить разрешение у верховного…

Сочинять дальше Остапу расхотелось, и он, захлопнув перед свидетелями Иеговы дверь, свирепо посмотрел на Ипполита Матвеевича:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.